

КОММУНИКАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ЛИРИЧЕСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ К ПОЭТАМ-СОВРЕМЕННОКАМ

Аннотация. В статье выявляется специфика лирической коммуникации Андрея Белого. Выдвигается гипотеза, что в поэтической коммуникации Белого фактор адресации становится организующим фактором художественного сознания в период формирования философской платформы символизма. Лирический диалог с современниками в разнообразии его жанровых модификаций становится способом идейно-эстетического самоопределения Белого.

Ключевые слова: лирический диалог, коммуникативные установки, символизм, послания, аргонавты, фактор адресации.

Abstract. The specific of lyric communication of Andrey Bely comes to light in the article. A hypothesis is pulled out, that in poetic communication of Bely the factor of addressing becomes the organizing factor of artistic consciousness in the period of forming of philosophical platform of symbolism. A lyric dialog with contemporaries in the variety of its genre modifications becomes the method of ideological-aesthetic self-determination of Bely.

Keywords: lyric dialog, communicative options, symbolism, messages, argonauts, factor of addressing.

Ориентированность современной филологии на коммуникативные аспекты языка сделало актуальным изучение адресата как равноправного участника речевого акта. Но наименее разработанной по сей день остается проблема диалога и адресации в поэзии. Являясь универсальной категорией, адресованность, опосредованная художественным планом выражения, в поэтических текстах, безусловно, имеет свою специфику.

Актуализация феномена диалога в поэзии, установка на лирическую коммуникацию наблюдаются в эпохи формирования литературных течений, претендующих на ведущую роль не только в литературной, но и в общественной жизни. В эти периоды складывается концепция личности художника – творца не только искусства, но и жизни. В связи с этим в поэзии возрастает доля адресованных жанров, непосредственно апеллирующих к сознанию и эмоциям читателя.

Не случайно установка на лирический диалог наиболее явно выражена в поэзии Белого, одного из вождей русского символизма. Особенно это касается раннего периода творчества поэта, т.е. времени его увлечения «аргонавтизмом» [1].

Однако коммуникативная установка посланий Андрея Белого резко отличается от диалогических стратегий других символистов – и от протейизма посланий В. Брюсова, и от «синтетизма» Вяч. Иванова, и от скрытой полемичности блоковских «писем в стихах». Белый выступает в стихах, обращенных к своим литературным соратникам, как носитель четко обозначенной жизненной, идеологической, философской позиции, глубоко убежденный в ее абсолютной значимости. Причем он отождествляет свою позицию с самыми высшими ценностями бытия, т.е. выступает как прозелит и проповедник опре-

деленного философского учения. Это было связано с тем, что Белый, восприняв идеи Соловьева, трактовал их в «жизнетворческом» ключе: «теургическое» мировоззрение способно, по Белому, объединить людей, «жаждущих подвига» [2].

В аргонавтический период у Белого гораздо сильнее выражена коммуникативная интенция младосимволизма. Если ранний Блок дает воплощение *идеала* соловьевства («Стихи о Прекрасной Даме»), то Андрей Белый дает его философскую *платформу*: он поворачивает соловьевскую концепцию не как учение об идеале, замкнутое в самом себе, а как жизнетворческую идею, способную сплотить людей, жаждущих «подвига». Стремясь связать единой платформой больших художников, он обращается с посланиями к К. Бальмонту, В. Брюсову, А. Блоку, С. Соловьеву, Эллису, Метнеру. В этих обращениях Белый старается облечь свою проповедь в привлекательные для адресатов эстетические «одежды», прибегая к обильным аллюзиям из их творчества [3].

Адресация в лирике А. Белого играет важную роль как в процессах жанрообразования, так и в процессах текстопорождения. Значимость фактора адресации определяется тем, что адресованные стихотворения появляются уже в первом поэтическом сборнике А. Белого «Золото в лазури». Так, сборник открывается посланием-циклом «Бальмонту», где само имя адресата, вынесенное в сильную позицию (заголовок текста), становится своеобразным интертекстуальным кодом к стихотворениям цикла.

Ключевой образ этого цикла, собирающий в единое целое его семантическую структуру, – это образ солнца. Этот образ, как и любой символ, имеет интертекстуальную природу, о которой свидетельствует сам фактор адресации: солнце у Бальмонта появляется в его знаменитом стихотворении «Будем как солнце». Симптоматично, что в другом стихотворении имя Бальмонта паронимически зашифровано: «Автору “Будем как солнце”».

Фактор адресации в данном случае выполняет функцию коммуникации между традициями. Здесь Белый через обращение к Бальмонту пытается соединить в единое целое две ветви русского символизма через символические образы, обнаруживая ряд сходств между своим творчеством и творчеством Бальмонта. Тем самым он как бы продолжает линию старших символистов, реализуя те образы и лирические сюжеты, которые были заложены в этом ключевом для Бальмонта стихотворении. Рассмотрим его поэлементно с позиции интертекстуального взаимодействия ключевых образов-символов.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в стихотворении Бальмонта, кроме центрального солярного символа, возникает также и лирический сюжет, важный для Белого аргонавтического периода – сюжет похода за золотым руном. Он предполагает пространственное преодоление низа и соединение его с верхними сферами бытия. Л. А. Колобаева, акцентируя эту принципиально важную для символистов мысль, отмечает, что «важнейшим творческим смыслом символа, целью создания художественного символического образа должно было стать уловление связей, соотношений этого и иного миров, в конечном итоге их единство и целостность как воплощение целостности мироздания» [1, с. 19]. В. Паперный, подтверждая идею Л. А. Колобаевой, пишет, что для «поэтики А. Белого характерна трансформация существующей во времени традиции в структуру чисто пространственную...»¹

¹ При описании этого типа пространства Белому были нужны, по мнению Е. Г. Григорьевой, «не диалектические, а абсолютные характеристики» [3, с. 135].

[2, с. 91]. Результатом такой пространственной трансформации становится лицезрение Красоты, понимаемой в символистском духе как начало абсолютной гармонии. Ср.:

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злему,
Ярко стремимся мы в сие золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном! [4, с. 110].

«Вечно иное» – это сфера внеположная миру. У Бальмонта она соотносится не только с красотой, но и с Вечностью, мечтой и счастьем. Причем все эти символические образы вписываются в лирический сюжет стихотворения – сюжет восхождения к горным сферам. Ср.:

Будем, как солнце всегда – молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно – молодое.
В этом завет красоты! [4, с. 115].

Все обозначенные образы и мотивы реализуются и в диалогически ориентированной лирике Белого. Более того, ключевой сюжет бальмонтовского стихотворения – это имплицитный сюжет сборника Белого «Золото в лазури»: полет, восхождение, подъем – все это мотивы, конституирующие смысловое пространство сборника.

Кроме того, образы вечности («старины» – у Белого), мечты и счастья – это образы, которые в символистском универсуме занимают исключительное положение. У Белого в анализируемом цикле появляется сюжет восхождения к небесам, связанный с этими образами-ключами и понимаемый как преодоление тьмы и древнего хаоса:

И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

<...>

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира [5, с. 22].

В последнем стихотворении цикла возникает интертекстуальный образ вечности:

Поэт, ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность [5, с. 23].

Примечательно, что в центре стихотворений Бальмонта и Белого находится специфически понимаемый образ пророка, который выполняет функцию проводника между мирами¹. Именно поэт-пророк обуславливает пространственную целостность мироздания, он занимает вневременную по отношению к мирам позицию. Ср. у Белого:

О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах [5, с. 23].

У Бальмонта поэт интерпретируется в сходном ключе. Он также понимает поэта как творца миров, человека, который видит мир как целое в его «нераздельности-неслиянности». Ср. в стихотворении «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин [4, с. 120].

Однако тождество предполагает и различия. Дело в том, что образ-символ солнца, несмотря на ряд интертекстуальных совпадений, в творчестве Бальмонта и Белого имеет разные философско-эстетические трактовки. Если для Бальмонта солнце – это традиционный поэтический образ, который функционирует в сфере искусства, то для Белого солнце имеет *жизнетворческую семантику*. Аргонавтические игры и поход за золотым руном понима-

¹ О теме пророчества в лирике Белого в аспекте стилистики – в работе Ю. М. Лотмана [6, с. 681–688].

лись им не как сюжеты античной мифологии, но как живые и конкретные цели¹. Говоря иначе, между двумя поэтиками возникают различия не в семантике, а в художественной прагматике. Таким образом, адресованность здесь указывает на то «диалектическое» противостояние литературных традиций, когда наличие сходных элементов предполагает разницу и в их интерпретации.

Подобная диалогическая позиция гораздо более уязвима, чем другие, прежде всего потому, что она не учитывает существования чужих сознаний с иными мировоззренческими ценностями. Кружковое и одновременно эгоцентрическое сознание автора стремится навязать собственные представления собеседнику, поставить его перед выбором: «свой или чужой» [8].

Вполне естественно, что столкновение с действительностью оборачивается для такого сознания глубочайшим кризисом. Именно поэтому его послания периода создания «Урны» приобретают характер прямых или косвенных инвектив, направленных против отступников, изменивших идеалу. Особенно в этом отношении «досталось» автору «Балаганчика» (см. послание «А. А. Блоку», 1906). Отсюда и лейтмотив борьбы света и тьмы, характерный для стихотворной переписки А. Белого с В. Брюсовым (1904–1909) [9].

На этапе вхождения А. Белого в пору творческой зрелости, в его эпистолярных произведениях намечаются некоторые новые тенденции. Так, в послании «Льву Толстому» (1909) автор крушение личных надежд на обновление мира осмысляет как символ обреченности своего поколения, не способного на подвиг. Поэтому максималистская моральная проповедь Толстого трактуется в послании как упрек и проклятие поколению современников [10].

К этому же времени создания относится послание «Встреча» (1909), подводящее черту его спорам с В. Брюсовым. Андрей Белый, мифологически переосмыслив перипетии многолетнего конфликта со «старинным врагом», приходит к мысли о самоценности их путей и о тех общих духовных началах, которые объединяют обоих художников [11].

Таким образом, представления о жизнетворческих функциях искусства, обосновываемые с символистских позиций, обусловили расцвет лирической коммуникации, как бы стоящей на грани литературы и жизни. В посланиях Белого, написанных в разные периоды его творчества, наблюдается усложнение форм поэтической коммуникации, что напрямую связано с изменением и культурологической дифференциацией статуса адресата («собрата по цеху», «неофита», «теурга», «отступника»).

Список литературы

1. Колобаева, Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
2. Паперный, В. М. Андрей Белый и Гоголь / В. М. Паперный // Учен. записки Тартуского гос. ун-та. – Вып. 620. – Тарту, 1983. – 217 с.
3. Григорьева, Е. Г. «Распыление мира» в дореволюционной прозе Андрея Белого / Е. Г. Григорьева // Вопросы литературы. – Вып. 748. – Тарту, 1987. – 180 с.
4. Бальмонт, К. Собр. соч. : в 2 т. / К. Бальмонт. – М. : Можайск-Терра, 1994. – Т. 1. – 405 с.

¹ Подробно комплекс античных мотивов проанализирован в обстоятельной статье Р. Манна [7, р. 507–525].

5. **Белый, А.** Собр. соч.: Стихотворения и поэмы / А. Белый ; сост., предисл. В. М. Пискунова. – М. : Республика, 1994. – 510 с.
6. **Лотман, Ю. М.** Поэтическое косноязычие Андрея Белого / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – 830 с.
7. **Mann, R.** Apollo and Dionisus in Andrey Bely's Peterburg / R. Mann // The Russian Review. – 1986. – V. 57. – № 4. – 754 p.
8. Андрей Белый: Проблемы творчества; Статьи; Воспоминания; Публикации. – М. : Сов. писатель, 1988. – 240 с.
9. **Лавров, А. В.** Белый Андрей / А. В. Лавров // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1992. – Т. 1: А–Г. – 540 с.
10. **Спивак, М.** Андрей Белый – мистик и советский писатель / Моника Спивак. – М. : РГГУ, 2006. – 578 с.
11. **Демин, В. Н.** Андрей Белый / В. Н. Демин. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 413 с.

Круглова Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра романо-германской филологии,
Пензенский государственный
университет

E-mail: tatjana.sk@mail.ru

Kruglova Tatyana Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Romanic and Germanic philology,
Penza State University

УДК 82

Круглова, Т. С.

Коммуникативные установки Андрея Белого в лирических обращениях к поэтам-современникам / Т. С. Круглова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 85–90.